

И. Э. Астахов

Бакалавр кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7-9; e-mail: IAstakhov16@list.ru
Научный руководитель – канд. ист. наук, ассистент И. В. Петров

**ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МОНАСТЫРЯМ
В 1917-1932 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ)**

В 1917 г., после Октябрьского переворота, в нашей стране началось построение первого в мире социалистического государства. Одним из главных идеологических врагов в тот период большевики считали Православную Российскую Церковь. В рамках войны с ней, новая власть, в качестве одной из мишеней избрала монастыри. В первые годы советской власти была предпринята попытка уничтожить православные монастыри, как духовную и экономическую основу Церкви. В данной статье рассматривается политика большевиков по закрытию монастырей в Новгородской епархии в 1917 – начале 1930-х гг.

Ключевые слова: монастыри, епархии, губернские исполнительные комитеты, местные органы власти, православная вера, коллективы верующих.

I. E. Astakhov

Bachelor Degree of the Department of Contemporary History of Russia, St Petersburg University, St Petersburg, Russia
Scientific adviser – Candidate of History, Assistant I. V. Petrov

**POLICY OF THE SOVIET RULE IN RELATION TO THE MONASTERIES
IN 1917-1932 YEARS (A CASE STUDY OF THE NOVGOROD DIOCESE)**

After October Revolution, in 1917 year, in our country started the first socialist state building. Bolshevics considered Orthodox Russian Church as one of the main ideological enemy. Within the war limits, the new government, as one of the targets, elected monasteries. In the first years of the Soviet rule was made an attempt to destroy Orthodox Monasteries as spirit and economic foundation of the Church. This article describes the Soviet rule's policy by the closing monasteries in Novgorod diocese at 1917 – early 1930-ies.

Keywords: monasteries, dioceses, provincial executive committees, local authorities, the Orthodox faith, religious groups.

В настоящее время проблема борьбы большевиков с Православной Церковью в общероссийском масштабе исследована подробно. Гораздо менее исследованной остается проблема борьбы большевиков с Церковью в отдельно взятых регионах. И еще менее изученным остается вопрос борьбы большевиков против конкретных монастырей.

Не стала исключением в этом процессе и Новгородская епархия. В настоящее время можно назвать лишь несколько исследователей рассматривавших этот вопрос. Среди них Д. А. Пономарев [5; 6], Л. А. Секретарь [7].

5 декабря 1917 г. был опубликован проект декрета об отделении Церкви от государства. Он содержал ряд враждебных для Церкви положений. В частности в нем говорилось, что церковные земли конфискуются, все церкви обязаны предоставить точные данные об имеющихся церковных суммах [4, с. 92].

Уже 10 января 1918 г. митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) выступил с требованием не принимать закон об отделении Церкви от государства. В протесте, адресованном СНК, святитель писал: «Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, предупредить их, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых». К голосу митрополита советская власть не прислушалась, а имя его было занесено в списки врагов революции [4, с. 93].

Поэтому 23 января 1918 г. был опубликован декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», первоначально называвшийся «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». В декрете были пункты, не связанные прямо с его основным смыслом: запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация всего церковного имущества. Эти положения декрета явно противоречили принципу, что религия есть частное дело граждан, так как частные общества сохраняли свои права [4, с. 95]. Однако в конце была поправка, написанная лично Лениным: «Здания и предметы, предназначенные специально для

богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ» [1, с. 373].

Уже 25 января 1918 г. Поместный Собор Православной Российской Церкви принял постановление с оценкой декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В нем говорилось, что изданный декрет это злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения. Также здесь упоминалось, что всякое участие, как в издании, так и в проведении в жизнь данного закона, несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и ведет за собой церковную кару, вплоть до отлучения от Церкви.

Подобная деятельность Поместного собора значительно повлияла на обострение взаимоотношений Церкви и государства. Именно этот период отмечен значительным накалом непонимания в действиях двух сторон. Ленин заявил, что все кто будет распространять произведения Патриарха Тихона, будут арестовываться и предаваться суду. В официальной прессе также появилось множество материалов, направленных на дискредитацию священноначалия Православной Российской Церкви. Откровенное неприятие и нелояльность властей поставили Православную Церковь в тяжелые правовые условия, ибо правительство смотрело на нее как на очаг контрреволюции. Со стороны Церкви также было много недовольства по отношению к религиозной политике советской власти.

Кратко рассмотрев церковно-государственные отношения в общероссийском масштабе, следует перейти непосредственно к рассмотрению политики советской власти по отношению к монастырям Новгородской епархии.

В ноябре 1918 г. для претворения в жизнь «Декрета о свободе совести» при отделе юстиции Новгородского губисполкома создается церковно-ликвидационный подотдел. Для руководства подотделом из Москвы присылают «верного ленинца» Н. Н. Левендаля – воинствующего атеиста, принимавшего участие в разработке «Декрета о свободе совести», человека бескомпромиссного и жестокого. При Новгородском губисполкоме был учрежден карательный отдел. Для подавления выступлений населения в защиту Церкви привлекались сотрудники ЧК и милиции. Губернским революционным трибуналом в 1919 г. руководил И. Куприянов, в 1920 г. назначенный заведующим отделом юстиции [7, с. 103].

На VII съезде Советов Новгородской губернии, состоявшемся в июле-августе 1919 г., делегаты приняли решение о закрытии монастырей в Новгородском уезде. 11 февраля 1920 г. состоялось межведомственное совещание по выполнению решения съезда.

На заседании 24 февраля 1920 г. было принято постановление об избрании Комиссии для ликвидации монастырей из представителей отделов Губисполкома: юстиции, земельного, труда и социального обеспечения, народного образования [7, с. 105].

По выработанной же тогда программе при закрытии обителей сельскохозяйственные постройки и живой инвентарь передавались в ведение земельного отдела, постройки и домовый инвентарь – подотделу социального обеспечения, отделам жилищному или народного образования. Церкви оставляли коллективам верующих или закрывались. Ценные произведения искусства отбирались отделом народного образования для музея, остальные передавались коллективам верующих. Серебро и золото сдавались в народный банк и казначейство. С монашествующими поступали следующим образом: трудоспособных отправляли на биржу труда либо трудоустраивали в артелях и коммунах; нетрудоспособных направляли в отдел социального обеспечения. Некоторые были оставлены при храмах в качестве священнослужителей.

Первыми в марте 1920 г. были ликвидированы Антониев и Деревяницкий монастыри, вслед за ними – Савво-Вишерский, Вяжицкий, Ефремо-Перекомский и Клоппский, в июле 1920 г. – Свято-Духов и Зверин. К концу года ликвидация монастырей в Новгородском уезде была завершена [7, с. 105].

Закрытие монастырей вызвало массу жалоб, заявлений, протестов, выступлений, которые раздражали исполнительную власть. Вместе с закрытием обителей производилась конфискация их капиталов. Для устрашения и дезорганизации церковнослужителей, монашества и паствы исполком в 1920 г. провел ряд показательных репрессивных мероприятий в отношении иерархов Церкви, а также особенно строптивых настоятелей монастырей и монахов. Эти мероприятия широко освещались в прессе [7, с. 105].

Обратим внимание протокол заседания Новгородского губисполкома за № 1701 от 17 апреля 1919 г. Из него мы узнаем, что некий т. Зорин, выступавший с докладом о деятельности подотдела по отделению Церкви от государства, сказал следующее: «Отдел организован на 3 месяца этот срок прошел и теперь необходимо постановление исполкома о продлении срока, так как работа еще не окончена». В итоге Новгородским губисполком постановил следующее: «Продлить существование до окончания его работы и отпустить из средств Епархиального Совета (!) 38591 руб. 74 коп. Поручить отделу увеличить свой штат, дабы скорее кончить работу» [2, л. 4а].

Вызывает удивление, что церкви закрывали за Епархиальный счет.

Из доклада Н. Н. Левендаля в Новгородский губернский отдел юстиции от 7 мая 1920 г., мы узнаем, что он временно вступил в должность Заведывающего Церковным подотделом Юристконсульт-Инструктора VIII Отдела Наркомюста. Вместе с ним, из Москвы, на должность инструктора по Отделению Церкви от государства прибыла некая В. К. Ларионова [2, л. 2]. Левендаль полностью погрузился в возложенную на него работу.

Уже 4 июля 1920 г. выходит №147 газеты «Звезда» [2, л. 8]. В нем была опубликована заметка под названием «Необходимое разъяснение», ее автором был Левендаль. В ней он обвинял церковнослужителей в сокрытии капиталов и объяснял, что Церковь не имеет статуса юридического лица, поэтому монастыри и храмы не могут владеть какими-либо капиталами. Церкви принадлежат коллективам верующих. И лучше если коллективы верующих будут представлять один-два раза в год совдепам, смету на утверждение [2, л. 8].

Новгородский Епархиальный Совет уже 9 июля 1920 г. отправляет объяснение № 3245 в Новгородгубисполком. В нем сказано, что пожертвования в кружку, доход от свечей с юридической точки зрения считается добровольными сборами-складчинами. И что этот доход идет «на покупку предметов религиозного культа, на содержание своих служителей культа, сторожей, на покупку дров и на приобретение различных предметов хозяйственного обихода для нужд своего храма». Потом Епархиальный Совет указывает, что не одним законодательным актом не указано, что после конфискации церковного имущества, упомянутый выше доход должен становится собственностью казны, а распоряжаться им верующие могут лишь с разрешения местных совдепов. Отсюда в записке делается вывод, что позиция автора «Необходимого разъяснения» неверна. Новгородский Епархиальный Совет еще раз указывает на то, что распоряжаться церковными доходами должны не совдепы, а коллективы верующих. В конце Епархиальный совет просит Новгородгубисполком обсудить этот вопрос [2, л. 16].

Власть, видя твердость и настойчивость Новгородского Епархиального Совета, решила, во что бы то ни стало сломить его сопротивление. В сентябре 1920 г. был поставлен вопрос о роспуске Новгородского Епархиального Совета [7, с. 106].

Далее из записки под названием «Мнение заведующего отделом», датированной 20 сентября 1920 г., мы узнаем, что Левендаль находя работу по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства неудовлетворительной, предложил создать при отделах юстиции уездных исполкомов Церковно-ликвидационные подотделы. Однако он допустил ряд ошибок, на которые и указывает заведующий отделом юстиции при Новгородгубисполкоме. Во-первых, при уездных исполкомах нет отделов юстиции. Во-вторых, в циркуляре Наркомюста № 355 от 19 июля 1919 г., на который ссылается Левендаль, нет ни слова о создании ликвидационных подотделов в уездах. Там сказано, что эта задача лежит на уездных исполкомах. В-третьих, Губернскому отделу Юстиции принадлежит лишь руководство по претворению в жизнь указанного декрета и наблюдение за деятельностью местных учреждений в вопросе проведения декрета в жизнь. К тому же на организацию подотделов в уездах, ни у губернского отдела юстиции, ни у уездных исполкомов нет средств [2, л. 51].

Теперь познакомимся с непосредственной деятельности Левендаля по отношению к верующим. В записке верующих Валдайского Иверского монастыря в Новгородгуботдел от 28 сентября 1920 г., мы узнаем, что 7 августа Левендаль отобрал и запечатал 436 ризницы, 23 ризы, 23 стихаря, 7 подризников, 23 пары поручей, 17 поясов, 6 орарей, 10 набедренников и одну металлическую панихидницу, под предлогом, что облачений слишком много и отобранные нужно раздать нуждающимся церквям. Но так как все облачение часто использовалось и не было никаких распоряжений об изъятии предметов культа, то коллектив верующих просит юридический отдел вернуть обратно запечатанное имущество [3, л. 27].

В ответ на это 29 сентября 1920 г. Левендаль пишет записку в Новгородгуботдел юстиции. Сначала он говорит, что сама братия во главе с архимандритом Иосифом указал эти облачения как ненужные. Далее он пишет следующее: «<...> конечно, в общем масштабе не для распределения по церквям, как бы для поддержания «вящего церковного благолепия», а для использования на общегосударственные нужды, хотя бы на изготовление сценических боярских и др. костюмов». Далее он отмечает, что панихидница не была опечатана, и что это «вымысел монастырских отцов и др. «ратоборцев за веру»». Затем он пишет следующее: «Действительно в практике вверенного мне п/отдела был единственный, исключительный случай выдачи в бедную, погоревшую деревенскую церковь несколько простых облачений из б. Юрьевского монастыря, – случай исключительный, по настойчивому ходатайству местного коллектива верующих». В конце он говорит, что конфискованное имущество Валдайского монастыря будет передано в отдел коммунального хозяйства Бологовского исполкома [3, л. 28].

Новгуботдел не признал действия Левендаля противоправными, о чем письменно сообщил коллективу верующих Иверского Валдайского монастыря 30 сентября 1920 г. [3, Л. 26].

В 1920 г. Новгубисполком организовал показательный суд над епископом Тихвинским Алексием (Симанским), благочинным Новгородских монастырей архимандритом Никодимом (Воскресенским), протоиереем Софийского собора Николаем Стяговым и другими участниками освидетельствования мощей Новгородских святых в Сковородском монастыре и Софийском соборе. Их обвинили в подготовке мощей к их официальному осмотру. Незаконность действий властей была очевидна, и епископ Алексей не признал себя виновным. По этому же делу допрашивался новгородский митрополит Арсений (Стадницкий).

28 октября 1920 г. на имя заведующего отделом юстиции И. Куприянова из президиума Губисполкома поступило следующее предписание: «Назначенное к слушанию дело епископа Алексия на 1 ноября имеет большое агитационное значение и желательно и необходимо, чтобы на разборе дела могли присутствовать широкие массы населения, не ограничивая число мест, или, по крайней мере, значительно увеличив их. Поэтому Президиум Губисполкома полагает разбор дела проводить не в Ревтрибунале, а в Доме искусств, где может поместиться большое число слушателей [7, с. 106].

В конце 1920 г. Н. Н. Левендаль представил обширный отчет о деятельности церковно-ликвидационного подотдела за май-декабрь 1920 г. Судя по отчету, под его руководством проводилась внезапная проверка ризницы Юрьева монастыря, было сфабриковано дело о связи местных архиереев с эстонскими белогвардейскими организациями, собраны сведения о духовенстве, находящемся на «советской службе», начато дело о привлечении к ответственности Губчека за расхищение имущества рижских церквей в Десятинном монастыре. В связи с сокрытием денежных средств и ржи в алтаре главного храма Сковородского монастыря наигумен Митрофана было заведено дело, которое рассматривалось Ревтрибуналом. Левендаль сокрушался, что задание центра по ликвидации монастырей из-за нехватки кадров смогли полностью выполнить только в Новгородском уезде, не удалось также развернуть масштабной антирелигиозной пропаганды [7, с. 106].

В 1922 г. была начата кампания по изъятию церковных ценностей. Невиданному и неконтролируемому расхищению подвергся Юрьев монастырь. Остановить разграбление не смогла даже присланная в Новгород телеграмма наркома просвещения А. В. Луначарского [7, с. 107], ведь монастырь обладал, по словам Левендаля, многомиллиардным имуществом [2, л. 100].

Сокрытие ценностей каралось жесточайшим образом. Так, обвиненные в этом монахи Духова монастыря были приговорены к пяти годам заключения условно.

Верующие пытались выкупить особо чтимые святыни или необходимые предметы церковной утвари, отдавая взамен собранные серебряные и золотые монеты, серебряный лом. Прихожане Тихвинской кладбищенской церкви (бывшего Воскресенского монастыря на Красном поле) за девять фунтов серебряного лома получили ризы с икон. В Сковородском монастыре были выкуплены два архимандричьих креста. Коллективу верующих церкви Десятинного монастыря по их прошению разрешено было оставить ковчег с мощами святой великомученицы Варвары. За выкуп прихожанам Антониева монастыря оставили митру и шесть клейм с царских врат.

Последним этапом в разработанной и осуществленной большевиками программе уничтожения обитателей было закрытие храмов, переданных в арендное содержание коллективам верующих, с одновременной «ликвидацией культового имущества» (иконостасов, церковной утвари, облачений). Этот процесс заметно активизировался в конце 1920-х гг.

19 сентября 1927 г. Наркомат внутренних дел издал циркуляр «О порядке закрытия молитвенных зданий и ликвидации культового имущества», разосланный в областные управления. Документ предписывал прекращать службы в храмах, если в них не производились ремонтные и реставрационные работы. На верующих стали оказывать давление.

В 1931 г. общее собрание прихожан отказалось от арендного содержания Никольского собора Вяжицкого монастыря и просило оставить за ними Евфимиевский придел. 22 декабря Сырковский сельсовет постановил приспособить собор под колхозную столовую. «Ликвидация» собора производилась в 1932 г.

В 1930 г. верующие отказались от содержания Владимирского собора бывшего Сыркова монастыря в виду непомерной арендной платы за церковь. По договору им оставили второй храм Вознесения Христова. Церковное имущество закрытого собора передали Сырковскому сельсовету.

Комиссия по вопросам культа при Новгородском РИК 7 июля 1932 г. постановила расторгнуть договор с коллективом верующих Клоппской слободы на право пользования Троицким собором бывшего Клоппского монастыря.

На основании «добровольного отказа» населения в 1930 г. была закрыта Вознесенская церковь бывшего Савво-Вишерского монастыря. В 1932 г. государство экспроприировало храмы бывшего Антониева монастыря. В том же году был закрыт Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря [7, с. 107-108].

Все эти события свидетельствуют, что одной из главнейших задач большевиков было скорейшее уничтожение Православной Церкви. А для этого просто необходимо было ликвидировать монастыри – твердыни православия. Однако этот процесс оказался не таким быстрым, как они рассчитывали, ведь народ был против закрытия храмов и монастырей. Это убедительно доказывает пример Новгородской епархии. Лишь спустя 10 с лишним лет после Октябрьского переворота, советская власть смогла полностью ликвидировать монастыри на Новгородчине.

Источники

1. Декреты советской власти: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Т. 1 / отв. ред. З. И. Пупол, А. Л. Коробова. – М., 1957.
2. Новгородский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительный комитет. Отдел юстиции. Доклады, сводки церковно-ликвидационного подотдела губотдела юстиции о работе за 1920-1921 годы // ГАНО. Ф. р-268. Оп. 1. Д. 115.
3. Новгородский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Исполнительный комитет. Отдел юстиции. Сводка церковно-ликвидационного подотдела губотдела юстиции о работе за май-декабрь 1920 года. Доклады заведующего церковно-ликвидационным подотделом губотдела юстиции о результатах обследований монастырей губернии. Переписка с учреждениями и организациями о работе церковью губернии // ГАНО. Ф. р-268. Оп. 1. Д. 121.

Литература

4. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь XX век. / сост. А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский [и др.]. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – 798 с.
5. Пономарев Д. А., священник. Антониево-Дымский монастырь в первые годы советской власти. – СПб.: Издание Антониево-Дымского мужского монастыря, 2017. – 56 с.
6. Пономарев Д. А., священник. О положении монастырей Новгородской епархии в первые годы советской власти. // Христианское чтение. – 2017. – № 1. – С. 295-318.
7. Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. – М.: Северный паломник, 2011. – 656 с.